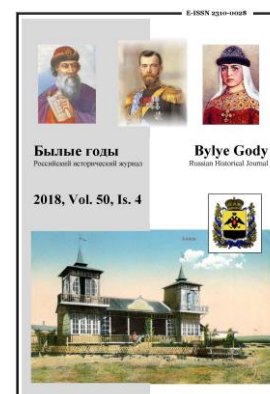

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1354-1365. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1354
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's Time of Troubles of the late XVI – early XVII centuries

Aleksandr A. Kudrjavcev ^{a, *}

^aNorth-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The death of Ivan the terrible and the accession to the Russian throne of first his son Fyodor Ivanovich, and then Boris Godunov, did not make significant changes in Russian policy in the Caucasus. Moscow continued to support the tsars of Eastern Georgia, and its diplomatic ties with the rulers of Transcaucasia were involved in the highlanders and Cossacks of the North Caucasus. In its geopolitical plans of the Imperial administration relied on the Terek Cossacks and the mountaineers of the Northwest Caucasus, seeking at the same time military and political measures to attract shamkhalov Tarkovsky, which controlled the territory of the Caspian region R. Sulak to the river Ullu-tea. The latter were the main allies of the Crimean khanate and Turkey. In this, one of the most difficult in the history of Russia in the periods of end of the XVI – early XVII centuries, when actively brewing, and then came the development of a deep crisis of the time of Troubles, when the Russian government particularly acute was the question of the state and its territorial integrity, the highlanders and the Cossacks of the North Caucasus was among the supporters of the legitimate government and supported the Royal Governor on the Terek and Astrakhan. Later, after the accession to the throne of Mikhail Fedorovich, they unanimously sided with the new Russian dynasty, which refused to support the self-styled contenders for the Russian throne. However, at the beginning of the XVII century, in the midst of turmoil in the central regions of the state, the Terek Cossacks, unlike the Grebensky Cossacks, along with significant masses of the don, Zaporozhye, Volga, Yaitsky Cossacks, were involved in the turbulent events of the Russian state of this time and actively participated in the Russian turmoil, leaving a bright trace in the historical events of this period. The attempt of ataman Zarutsky and Marina Mnishek at the final stage of the troubles to raise a rebellion in the South of Russia did not find support from the Cossacks and mountaineers of the North Caucasus, who came to defend the Romanov dynasty.

Keywords: Cossacks, highlanders, turmoil, revolt, crisis, impostors, intervention, North Caucasus unity.

1. Введение

Период конца XVI – начала XVII вв. ознаменовался в истории развития Русского государства глубоким всеобщим кризисом, получившим в исторической литературе весьма емкое название Смутного времени. В этот сложный период Московское царство и его правители столкнулись с целым рядом серьезных проблем социально-экономического, военно-политического, административно-территориального и династического характера, которые поставили под вопрос само существование централизованного Русского государства.

Впервые с эпохи феодальной раздробленности и освобождения от монгольской зависимости Россия оказалась перед реальной угрозой утраты своей национальной государственности и территориальной целостности.

В советской историографии важнейшие исторические процессы Смутного времени освещались с классовых антифеодальных позиций, где основное внимание уделялось сословным

* Corresponding author

E-mail addresses: kaao210@yandex.ru (A.A. Kudrjavcev)

антиправительственным выступлениям и борьбе народных масс с иностранной интервенцией и польско-литовскими ставленниками – «самозванцами», претендовавшими на московский престол.

При изучении этой актуальной проблемы в постсоветский период многие ее аспекты исследуются с новых методологических позиций, с привлечением новых источников и методов их анализа.

Вопросы целенаправленных контактов и взаимоотношений северокавказских горцев, терского и гребенского казачества с московской властью, а также роль населения Северного Кавказа во всероссийской Смуте, рассмотренной в контексте региональных подходов к проблеме, еще не служили предметом специального исследования и представляют значительный интерес для изучения истории народов Северного Кавказа и Прикаспия XVI–XVII вв. и их связей с Россией этого периода.

В контексте регионального аспекта исследуемой проблемы большой интерес и важность приобретает исторический опыт, полученный в результате изучения причин, характера и путей ликвидации «Великой смуты» в России конца XVI – начала XVII вв. Через призму этого опыта можно и нужно рассматривать важнейшие события конца XX – начала XXI вв., ознаменовавшиеся в истории России новым глубоким кризисом, приведшим к распаду СССР и возникновению новой мощной евразийской державы – Российской Федерации, перед которой вновь стоит целый ряд глобальных вопросов, связанных с ее существованием и устойчивым развитием как единого, многонационального, демократического государства.

В этой связи исторический опыт преодоления «Великой смуты» через всеобщее народное единение и консолидацию всех патриотических сил является весьма актуальным и чрезвычайно важным для становления и устойчивого развития нового Российского государства – Российской Федерации.

2. Материалы и методы

При исследовании проблемы, посвященной периоду Смутного времени в истории народов Северного Кавказа конца XVI – начала XVII вв., наиболее значимыми и важными выступили сведения русских летописей XVI–XVII вв. (ПСРЛ. Т. 13), материалы русско-дагестанских отношений (Русско-дагестанские отношения в XVII вв. – первой четверти XVIII вв.), кабардино-русских отношений (Кабардино-русские отношения), опубликованные документы, отчеты, материалы и карты известных дипломатов, путешественников, купцов и торговых агентов, посетивших или использовавших данные о территориях и народах Северного Кавказа XVI–XVII вв. (Антоний Дженкинсон, Артур Эдуардс, Адам Олеарий, Иван Нащокин и Иван Леонтьев, Самуил Фрич, Иоган Гарольд, Федор Котов и др.). Важным источником явились исторические, статистические, военные описания российских офицеров, побывавших в регионе (Иоганн Бларамберг), и уникальные материалы раритетных изданий Департамента генерального штаба (Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани), а также данные Кавказского военно-исторического музея (Колосовская, 2017: 168).

Проблема взаимоотношений и участия горцев и казаков Северного Кавказа в военно-политических событиях и исторических реалиях России периода Смутного времени исследуется автором впервые, но взаимоотношения России с народами региона, быт, обычаи и нравы северокавказских горцев, гребенских и терских казаков широко освещались как в дореволюционных исторических сочинениях (Белокуров, 1889; Бутков, 1869; Потто, 1912; Ногмов, 1968 и др.), так и в советской (Кушева, 1963; История народов..., 1988 и др.) и постсоветской историографии (Гордин, 2000; Дегоев, 2003; Cherkasov et al., 2015; История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007 и др.).

Проблемы взаимоотношений горцев и казаков Северного Кавказа с Русским государством в XVI – первой четверти XVIII вв. исследовались автором статьи в целом ряде научных публикаций (20), получивших положительные отзывы зарубежных и отечественных специалистов, а также успешно озвучены в докладах на международных и всероссийских конференциях.

Методы. В представленной статье особое значение придается принципу историзма, важнейшей составляющей которого является признание независимости и уважительного отношения к прошлому (Чубарьян, 2014: 150). В рамках этого принципа исследуются взаимоотношения горцев и казачества Северного Кавказа с центральной властью Московского государства в конце XVI – начале XVII вв., их участие и роль в исторических событиях в России периода Смутного времени.

В работе использованы известные и широко применяемые в исторических исследованиях историко-генеалогический и историко-ситуационный методы, позволяющие на основе исторических фактов и событий осветить различные военно-политические и этно-социальные аспекты взаимодействия и конфликтов, возникавших на Северном Кавказе в эпоху Великой смуты, проанализировать их причины и влияние на ход исторического развития России конца XVI – начала XVII вв. Новым аспектом этого исследования стало использование региональных подходов к изучению истории и специфики событий Смутного времени на Северном Кавказе.

Одновременно предпринята попытка применения и новой, неоклассической модели исследования, ориентированной на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализ, при использовании междисциплинарного подхода (Репина, 2008: 10–11).

3. Обсуждение

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались в российской историографии сильно возросшим вниманием специалистов к периоду Смутного времени, отмеченным весьма обширным количеством монографий, посвященных событиям русской истории конца XVI – начала XVII вв. В целом ряде публикаций авторы, опираясь на новые и уже известные источники, представили современные подходы и оценки событий периода Смуты и высказали новые суждения о персональных характеристиках их главных участников.

Основными новыми тенденциями и предметом обсуждения в современной исторической науке, посвященной Смутному времени, стали стремление отойти от устоявшихся классических трактовок изучаемого периода; переоценка персоналий известных участников событий этого времени; региональный подход к изучению целого ряда аспектов истории Смутного времени, а также стремление рассматривать события на широком общеевропейском историческом фоне.

Одной из исторических площадок обмена разноплановых научных мнений по проблемам Смутного времени выступают «Мининские чтения» и публикуемые в Нижнем Новгороде научные сборники по данной проблеме.

Среди значительного числа публикаций, посвященных проблемам Смутного времени, можно отметить монографии В.Н. Козлякова «Смута в России. XVII век», И.О. Тюменцева «Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II», В. Ульяновского «Смутное время», а также труды В.Г. Ананьева, А.В. Беликова, Е.И. Кобзаревой, Г.М. Коваленко, Д.В. Лисейцева, Н.В. Рыбалко, А.А. Селина и др.

4. Результаты

В правлении Ивана Грозного Московское царство значительно раздвинуло свои территории на юг и на восток, были разгромлены и включены в его состав Казанское и Астраханское ханства, началось освоение богатейших территорий Сибири и очень важного для торговых отношений с Закавказьем и Ближним Востоком Северного Кавказа и Прикаспия (Кудрявцев, 2016: 75–77).

Наследовавший русский престол сын Ивана Грозного Федор Иванович (1584–1598 гг.), а затем Борис Годунов (1598–1605 гг.) в основном продолжили политику Ивана Грозного, активно поддерживая дипломатические контакты с Грузией и укрепляя русское влияние в низовьях Терека и Волги (Кудрявцев, 2016а: 570). Одновременно Россия стремилась привлечь на свою сторону адыго-кабардинских правителей на Северо-Западном Кавказе и шамхалов Тарковских – на Северо-Восточном.

Обстановка на южных рубежах России и на Северном Кавказе в конце XVI в. была очень сложная. После блистательной победы князя М.И. Воротынского, разгромившего в 1572 году огромное 120-тысячное конное войско крымского хана Девлет-Гирея (Карамзин, 2002: 722), систематические набеги и грабежи Крымского ханства на пограничные русские территории и владения союзных России северокавказских правителей на довольно длительный период прекратились.

Однако с конца XVI века южные княжества Московского царства вновь стали весьма часто подвергаться набегам и разграблениям крымских татар. Начавшиеся сношения России с Грузией были весьма негативно восприняты Турцией, которая к концу XVI века доминировала как в Закавказье, так и на многих территориях Северного Кавказа. Султан и великий визирь не напрасно напоминали московскому царю о русских крепостях и казаках на Северо-Восточном Кавказе, видя в них главную опору распространения влияния России в регионе (Кудрявцев, 2015: 85). «Султан не велит хану тревожить России, буде царь сведет с Дону казаков своих и разрушит четыре новых крепости, основанных им на берегах сей реки и Терека, чтобы преграждать нам путь к Дербенту» (Карамзин, 2002: 819).

Стремясь обезопасить очень важную для турок трассу, связывавшую Азов и Дербент, т.е. военно-стратегический и торговый путь из Приазовья и Причерноморья в Прикаспий, султан поручил крымскому царевичу Мурад-Гирею возвести на Тереке мощную крепость, которая должна была обеспечить туркам «проход к Железным Вратам» т.е. Дербенту.

Для противодействия турецким планам царь приказал «образовать из Терской окраины особое самостоятельное воеводство, с сильным опорным пунктом» (Потто, 1991: 47). Для этого из Астрахани на Терек были отправлены стрельцы и казаки под командованием боярина Бурцева и келаря Протасьева. «Они выбрали удобное место в Тюменском владении Кабардинского князя Данклиша, давнего присяжника Московских государей, и там, у самого устья Терека, поставили крепость и при ней воеводский город» (Потто, 1991: 47). Посетивший в 1623 г. Терки московский купец Федор Котов оставил подробное описание города, который, по его данным, «стоит над рекою над Тюменкою на низком месте, а храмы, и ряды, и дворы в городе, а против города за рекою слободы – великие черкасская слобода да окотская» (Петровский, 1907: 78).

Возведение в конце XVI в. мощной крепости в одном из стратегически важных мест Северного Кавказа значительно укрепило влияние России в регионе и усилило позиции кабардинских и ногайских правителей, выступавших на стороне Московского государства (Кудрявцев, 2015: 85).

О весьма значительном авторитете России у целого ряда влиятельных северокавказских правителей может свидетельствовать активное участие последних в охране русского посольства, направленного в Грузию по просьбе ее царя Александра. Помимо трехсот пеших стрельцов и пятидесяти терских конных казаков, московское посольство во главе с князем Звенигородским сопровождали «уздени Ших-Мурзы, князя Алкаса, Аварского хана и других кабардинских князей, вызвавшихся служить послам охраной и проводниками» (Потто, 1991: 53).

Одним из главных союзников крымского хана и турецкого султана на Северном Кавказе выступал шамхал Тарковский, который пытался ослабить влияние России в регионе, совершая набеги на казачьи городки и на союзных Москве кабардинских князей.

Так, Будаи-шамхал активно поддерживал кабардинского князя Пшеапшокова, воевавшего с союзником Московского государства Темрюком, правда, после гибели Будаи-шамхала в Кабарде его преемник пошел на уступки русским, направил посла «с великими поминки» в Москву и согласился с возвращением русской крепости на р. Койсу – Сулак (ПСРЛ, 1965: 313, 322; Веселовский, 1890: 27, 43).

В период нахождения посольства Звенигородского в Грузии войска шамхала с отрядами горцев совершили нападение на владения царя Александра, которое, хотя и было, по его словам, отбито грузинскими азнаурами, но дало повод Александру настойчиво просить русского царя наказать шамхала и послать против него «большую рать» русскую, взять Тарки и посадить на престол шамхальский Крым-шамхала, являвшегося сватом грузинского царевича Юрия.

Поход против шамхала Тарковского был назначен на весну 1594 года, и для участия в нем было собрано «тысяча доброконных» терских и гребенских казаков, тысяча казаков волжских и пятьсот яицких, а также около двух с половиной тысяч стрельцов. Командовать отрядом, общее количество которого достигало пяти тысяч, был назначен князь Андрей Иванович Хворостинин.

Однако, заняв Тарки, русские войска были вынуждены бездействовать, ожидая «прибытия грузинской рати», обещанной грузинским царем, а вместе с ней свата кахетинского царевича Юрия Крым-шамхала, которого Александр собирался «посадить на шамхальство».

Это ожидание дорого обошлось экспедиции Хворостинина, так как шамхал, получив помощь от других горских правителей Дагестана, смог полностью заблокировать русские войска в Тарках и лишил их подвоза продовольствия, вооружения, резервов.

Было решено прорваться обратно на Терек, для чего русские войска ночью без боя покинули Тарки, но сбились в темноте с дороги и попали в болотистую местность устья реки Озень, где утром были обнаружены и разгромлены отрядами горцев.

Русская летопись так сообщает об этом поражении Хворостинина на Северо-Восточном Кавказе: «В Тарках нам поставить град не дали. Пришед многие люди шавкальские, кумыки и черкасы, и учниша бой; и на том бою государевых людей побили, яко с три тысячи» (Белокуров, 1889: 251–253).

Несмотря на поражение князя Хворостинина в походе на Тарки, авторитет России на Северном Кавказе оставался весьма значительным, и многие кабардинские князья, а также ряд правителей Дагестана продолжали ориентироваться на Москву, где на смену династии Рюриковичей на престол взошел Борис Годунов. Согласно данным дипломатических документов 1600 года, среди «вновь прибылых» в Московское государство земель упомянуты «Черкесская земля и Абазы», а позднее, уже Михаилу Федоровичу, присягнули западные черкесы и темиргоевцы (КРО, 1957: 224, 265–266).

К началу XVII в. Русское государство уже находилось на пороге тяжелых испытаний, когда вопрос стоял не столько о военных успехах Москвы в Ливонской войне или на Кавказе, сколько о сохранении государственности и территориальной целостности России.

В 1601 году Россию охватил страшный голод, с которым царь и его окружение не могли справиться (Соловьев, 2005: 281). Попытки накормить народ из царских и государственных зернохранилищ не увенчались успехом, так как перекупщики обманом и силой захватывали зерно, а потом перепродавали его по баснословным ценам.

В народе все больший размах получала молва о появлении царевича Дмитрия, и эти слухи будоражили и волновали все слои русского общества, а вскоре «беглый диакон, чудесное орудия гнева небесного, под именем царя российского, готовился предать Россию, с ее величием и православием, в добычу иезуитам и ляхам!» (Карамзин, 2002: 875).

Московское государство, занятое внутренними проблемами и постоянными столкновениями то с польскими, то с шведскими интервентами, вынуждено было держать основные военные силы на западной границе и не могло уделять должного внимания кавказским делам. Однако Борис Годунов, встревоженный усилением влияния Турции на Восточном и Северном Кавказе, стремился укрепить позиции России в регионе, поддерживая дружественных ей северокавказских правителей, прежде всего среди адыго-кабардинских князей и дагестанских владетелей, находившихся в оппозиции шамхалу Тарковскому. Одновременно сохранялись связи с кахетинскими царями, искавшими покровительства у христианских правителей Москвы.

Русское правительство пыталось договориться и с шамхалом, который выступал одним из главных проводников политики турецких султанов и крымских ханов на Северо-Восточном Кавказе, но дипломатические усилия России не дали положительных результатов. Шамхал, вслед за

крымским ханом, требовал снести русскую крепость на границе его владений в низовьях р. Койсу и отказывался гарантировать безопасность Грузии от набегов горцев ([Русско-дагестанские..., 1958: 36](#)).

Однако в связи с обострением междоусобных противоречий в окружении шамхала в 1602–1603 годах Россию решили поддерживать зависимые от шамхала, но находившиеся в оппозиции к нему кумыкские правители: кафыркумукский владетель Сурхай Тарковский и Султан-Махмуд Эндереувский, приславшие к Борису Годунову своих послов ([История народов..., 1988: 342](#)).

Положение самого шамхала в Дагестане в этот период было довольно шатким, так как он вел жестокую междоусобную борьбу со своим наследником Крым-шамхалом, который, в противовес шамхалу Тарковскому, ориентировался не на Турцию, а на Россию. Он находился в родственных отношениях с грузинским царем Александром и надеялся на его помощь в борьбе за шамхальский престол. Грузинские послы в Москве, желая подтолкнуть Бориса Годунова к новому походу на Тарки, сообщали о лояльности Крым-шамхала Грузии и России и о поддержке его многими горскими владетелями: «Крым-шамхал с нами в любви и дружбе: и кумыцкая земля половина с ним стоит» ([Белокуров, 1889: 253, 255](#)). С целью защиты Грузии от набегов шамхала и ослабления турецкого влияния в регионе грузинский царь настойчиво просил Годунова послать против шамхала «большую рать с вогненным боем», захватить его резиденцию Тарки и «под царскую руку привести» ([Белокуров, 1889: 255–256](#)).

В этот период отмечено обострение обстановки в Закавказье, где шах Аббас I стремился вернуть утраченные Ираном позиции и отвоевать захваченные во второй половине XVI века Турцией территории на Восточном и Северо-Восточном Кавказе, включая Шемаху, Баку, Дербент, являвшихся в этот период крупнейшими торгово-экономическими центрами Закавказья ([Английские путешественники..., 1937: 194](#)). В тяжелое для Персии время кризиса и военных неудач шах даже предлагал уступить эти территории России в обмен на союз против турок. Правда, Русское государство, к которому персидские правители проявляли большой интерес ([Английские путешественники..., 1937: 211, 221, 227](#)), должно было само отвоевать эти важнейшие области Восточного и Северо-Восточного Кавказа у Османской империи, в то время «одной из сильнейших держав тогдашнего мира». Это заставляло московских правителей избегать открытых противостояний как с Турцией, так и с Ираном, поручая русским дипломатам «всячески избегать опасных ситуаций» ([Ткаченко, Колосовская, 2009: 11](#)).

Турецкий султан прилагал все усилия, чтобы сохранить турецкие завоевания на Северо-Восточном и Восточном Кавказе, подталкивая своих вассалов в Крыму и на Северном Кавказе – крымского хана и тарковского шамхала – к вытеснению московских стрельцов и терских казаков с Терека и захвату Астрахани. Уничтожение русских крепостей в низовьях Койсу, Терека, Сунжи и восстановление турецкого владычества в низовьях Волги позволило бы туркам контролировать всю волжско-каспийскую торговлю.

Стремясь защитить южные рубежи государства и сохранить влияние России на Северном Кавказе, было решено предпринять новый поход против шамхала, разгром которого имел важное значение для укрепления позиций Московского царства в Прикаспийском Дагестане и Грузии.

Новый поход в Дагестан состоялся в 1604–1605 гг. под руководством воеводы И.М. Бутурлина и начался он весьма успешно. Русские войска овладели важными пунктами в предгорьях Северного Дагестана – Эндерей и Теплые Воды, заложили укрепление на озере Тузлук вблизи Тарков. Как и во время предшествовавшего похода Хворостинина, была занята резиденция шамхала Тарки, где стали возводиться русские укрепления, названные Новым Городом.

Лишив горцев возможности добывать на озере Тузлук соль, а также селитру и серу, необходимые для производства пороха, Бутурлин сделал ошибку и решил зимовать в Тарках, чтобы продолжить военные действия против шамхала весной, но вскоре в войсках стало не хватать провианта. Острый дефицит продовольствия заставил Бутурлина разделить свой отряд на две части, одну из которых он отправил на зимовку в Астрахань и на Терек, что, однако, не спасло оставшихся в Тарках от голода.

Вскоре оставшийся отряд Бутурлина был окружен в Тарках отрядами горцев численностью до 20 тысяч. Русские войска оказались в тяжелом положении. Бутурлин пытался договориться с шамхалом Султан-Мутум, «чтоб его выпустить на Терек здорово».

Но заключенный Бутурлиным и Султан-Мутум договор о мирном отходе русских был нарушен последним, и во время ночной стоянки горцы совершили неожиданное нападение на отряд Бутурлина, основная часть которого погибла в тяжелом сражении. Несмотря на большие потери, которые понесли и отряды шамхала, нападавшими были сожжены русские укрепления в Прикаспии: Сунженский и Койсинский остроги, что, несомненно, сказалось на российском влиянии на Северо-Восточном Кавказе. Острый кризис и противоречия периода Смутного времени, охватившие Московское государство в начале XVII века, не позволили укрепить русское влияние на Северо-Восточном Кавказе и Западном Прикаспии, реальную власть над которыми Россия получила лишь после Персидского похода Петра I в 1722 г. ([Кудрявцев, 2013b: 280](#)).

Между тем геополитическая обстановка на Кавказе изменилась и усиление персидского давления на северокавказских горцев привело к переориентации ряда дагестанских правителей на Москву. Так, в 1610 г., в один из самых сложных периодов в истории Русского государства, «шертовали» на верность

московскому царю тарковские владетели Гирей Сурхаев и Ильдар Сурхаев, а также прибывшие с ними к терскому воеводе «семь князей и мурз. Среди них Алибек Казикумухский, Мехти Аварский, Сурхай Карабудахкентский и др.» (История народов..., 1988: 342–343).

Это способствовало повышению авторитета России в регионе, вследствие чего горцы Северного Кавказа значительно сократили свои набеги на территории гребенского и терского казачества, на русские городки и укрепления. Так, например, уже после неудачного похода Бутурлина в 1604–1605 гг. тарковский правитель Гирей «шертовал» перед терским воеводой и «обязался честно служить России» и выполнять указания «терских воевод» (История народов... 1988: 342).

Однако негативные процессы, определявшие специфику развития Русского государства в период Смутного времени, в значительной мере отразились и на ситуации на Северном Кавказе, на настроениях и действиях обитателей этого беспокойного региона.

Тяжелые годы Смутного времени, наполненные народными волнениями, бунтами, грабежами и безвластием, оказались весьма привлекательными для основной массы донского, терского, волжского, яицкого и других казачьих сообществ. Идеи интронизации воскресшего «законного царя» и щедрые посулы «самозванцев» в период Великой смуты нашли широкий отклик во всех слоях русского общества этой бурной поры. Эта идея была охотно воспринята «казачьей вольницей», которая приняла в ней активное участие и выступала как зачинщицей беспорядков и мятежей, так и жертвой «Великой смуты». «В смуте шла борьба не только политическая и национальная, но и общественная» (Платонов, 1917: 356).

Первыми из казачьих сообществ на политическую арену Смутного времени вышли донские и запорожские казаки, оказавшие поддержку самозванцу, а значительно позднее к смуте примкнули и терские.

В то время, когда Донское и Запорожское казачества уже присоединилось к Лжедмитрию, перешедшему границу Русского государства осенью 1604 г. и собиравшему в Путивле войско для похода на Москву, терские и гребенские казаки еще верно служили Борису Годунову (Кудрявцев, 2015: 85). Они вместе с русскими войсками под командованием Ивана Бутурлина воевали с шамхалом и штурмовали его резиденцию Тарки. Весьма пассивное участие в первые годы XVII в. терского и гребенского казачеств в военно-политических событиях и бунтах Смутного времени дало основание некоторым историкам даже предполагать, что первое было еще не очень многочисленно, а второе – вообще отсутствовало, и «что гребенские казаки, и только они одни, остались в стороне от бурных движений Смутного времени» (Попко, 2001: 61).

Однако подобные предположения не соответствуют историческим реалиям, а относительно пассивное участие терцев и гребенцов в драматических событиях общероссийского кризиса имело совсем другие причины. В отличие от других казачьих сообществ, например донских казаков, которые «не знали и знать не хотели хлебопашества» и даже «бичами забивали тех из казаков, которые брались за соху» (Попко, 2001: 61), гребенские казаки имели семьи, занимались сельским хозяйством, пахали землю и разводили скот, о чем есть уникальные сведения в отчетах иностранных ученых-минерологов Самуила Фрича и Иогана Гарольда (Кудрявцев, 2013а: 153). Эти иностранцы, находившиеся на русской службе, были направлены в начале правления Михаила Романова на Северный Кавказ для поиска серебряных и медных руд, в которых очень нуждалась царская казна. Они оказались первыми из западноевропейцев, побывавшими во многих районах Малой Кабарды, правители которой ориентировались на Русское государство (Бларамберг, 1999: 197; Броневский, 1823: 91–92), а также в «городках» гребенских казаков (Кудрявцев, 2015: 86–87). Князь Владимир Щербатов, являвшийся Терским воеводой, поручил гребенским казакам сопровождать европейских ученых, что позволило им ознакомиться с повседневной жизнью гребенцов в их «городках», которые отличались от прочих казаков своим образом жизни, хозяйственной деятельностью, «домовитостью и культурным развитием». «Казаки сеяли просо и кукурузу, занимались насаждением тутовых деревьев и виноградной лозы», а жены их ткали «сукна и галуны» (Потто, 1991: 78). Тогда как в это время, например, донские, волжские и терские казаки семей не заводили, «не хотели знать хлебопашества и даже побивали тех, кто этим занимался» (Потто, 1991: 78). Именно угроза набегов горцев и необходимость защиты домов и своих семей заставила гребенских казаков «сидеть по домам», а не участвовать в смуте, но они активно проявили себя в событиях конца XVI – начала XVII вв., показав свою верность Московскому государству.

В это время положение на южных окраинах государства было очень тревожным и усугублялось еще и конфронтацией Бориса Годунова с донским казачеством. Главная причина царского гнева была связана с возросшим бегством крепостных крестьян на Дон и отказом казаков выдавать их царским воеводам: «С Дона выдачи нет». В ответ царь приказал своим воеводам «ни с Дону, ни на Дон никого, ни с чем не пускать; а появятся казаки в каком-либо городе, ловить их и сажать по тюрьмам» (Потто, 1991: 67). Следует отметить, что это сильно осложняло положение казаков, так как в Московском государстве «вынесение приговора, освобождение из тюрем виноватых в преступлениях с XVII в., за редким исключением, производилось центральной властью» (Глазьев, 2013: 223).

Агрессивная, негибкая политика центральной власти и кризисная обстановка в стране не могли не повлиять на антиправительственные настроения в среде Донского казачества, имевшего большое влияния на Волжское, Яицкое, Запорожское, Терское казачьи сообщества. Это способствовало тому,

что, когда на волнах общего недовольства и бунтов появилась фигура первого самозванца Дмитрия, донские атаманы в числе первых предложили ему свои услуги, пообещав поддержку и других казачьих сообществ.

Осенью 1604 года, когда самозванец перешел границу Русского государства и обосновался в Путивле, где стал собирать сторонников и рассылать по всей Руси «царские» грамоты, к нему в числе первых прибыли четыре тысячи донских казаков, а чуть позднее запорожские казаки, но гребенские и терские казаки, в отличие от первых, в это время продолжали отстаивать интересы Русского государства на Северо-Восточном Кавказе. Они ожесточенно сражались в предгорьях Дагестана, штурмуя с царскими воеводами Тарки и отступая с тяжелыми потерями по безводным степям Северного Прикаспия. Однако вскоре ситуация на юге России изменилась не в пользу законных московских государей, и в Астрахани, и на Тереке активизировались сторонники Лжедмитрия. Смерть Годунова и всенародный бунт в Москве, открывший путь на царский престол самозванцу Дмитрию с его невестой Мариной Мнишек, сопровождаемой польскими войсками, изменил обстановку во всей стране, в том числе и на Северном Кавказе. Города и царские воеводы стали спешно присягать Лжедмитрию, в их числе оказались «и Астрахань, и Терки», которые наряду с другими «были в воровстве и крест целовали вору разстриге». Свою преданность и признание законности новой власти решил показать и терский воевода Петр Головин, который с поздравлениями отправил к самозванцу в Москву в конце 1605 года северокавказских послов: кабардинского князя Санчалая Янглычева и Батай-мурзу. Они поздравляли «воскресшего» Дмитрия «на государствах» и были приняты им очень милостиво. Новоявленный московский царь отозвался с похвалой за прежнюю службу и борьбу с шамхалом, «хотя де они ходили и по Борисову (Годунов – А.К.) велению, но только нашим же государствам прибавления и расширения искали» (Потто, 1991: 68). Лжедмитрий пожаловал северокавказских послов дарами и деньгами, а также разрешил им приобрести металлические доспехи и оружие «на себя и своих людей». Денежное довольствие было выдано и их узденям, после чего посольство вернулось в Терки. Гребенцы, озабоченные безопасностью своих семей и необходимостью в это смутное время защищать от набегов шамхала и крымского хана свои «городки», уклонились от активного участия в событиях. Терцы же сначала не хотели вмешиваться в происходившие события и идти в Россию не намеревались, а решили искать удачу в Закавказье. Они «задумали сначала идти за Куру, опустошить турецкие области...», не без основания предполагая, что в случае неудачного похода смогут найти «покровительство у персидского шаха», воевавшего с Турцией (Кудрявцев, 2016а: 571). Однако, проанализировав ситуацию, казаки отвергли первоначальный план и решили, что легче и выгоднее найти или выдвинуть из своей среды нового царя – самозванца. Они полагали, что в случае успеха он обогатит их и предоставит значительные государственные льготы, подобные тем, которые уже получили донские и запорожские казаки от Лжедмитрия. Осуществляя задуманный план, терские казаки, возглавляемые атаманом Федором Бодыриным, стали распускать везде слухи о царевиче Петре, сыне царя Федора Ивановича, которого Борис Годунов не смог умертвить и который теперь заявил свои «законные» права на царский престол. Очень скоро в соответствии с распространившимся слухом появился и сам царевич Петр, выдвинутый из терских казаков. Эта идея оказалась столь привлекательной, что появилось сразу два царевича Петра Федоровича: один из них терский казак Илейко из Муррома, другой – терский казак Дмитрий из Астрахани. Последний сильно сомневался в своих «царских» достоинствах, и после совещаний и долгих раздумий Дмитрий решил отказаться от претензий на царский трон, мотивируя свой отказ отсутствием знаний о «царских обычаях» и дворцовом этикете. Триста терских казаков, возглавляемые атаманом Федором Бодыриным, собравшиеся на совещание, решили, что царевичем Петром будет казак Илейко Коровин.

Узнав об этом, терский воевода пришел в ужас от столь «знаменательной» казачьей идеи, но все усилия немногочисленной царской администрации в Терках во главе с воеводой Головиным отговорить казаков от их затей не увенчались успехом. Эту сомнительную идею казаков неожиданно поддержал войсковой атаман Гаврила Пан, которому Федор Бодырин представил самозваного царевича. Войсковой атаман принял претендента на царский престол с почетом и «выразил готовность войска поддержать его». Воевода Петр Головин, опасаясь гнева московских властей, пытался уговорить казаков выдать ему новоявленного царевича, «как явного смутьяна», но терцы и не подумали подчиняться его приказу. Головин приложил все усилия для того, чтобы отговорить терских казаков от намеченного ими похода, к которому они спешно готовили струги. Однако ни приводимые им убедительные аргументы о необходимости защиты границы, ни угрозы царского гнева и расправы не смогли убедить казаков остаться (РДО, 1958: 31). Весной 1606 года внушительное казачье войско, включавшее около четырех тысяч терцев, отплыло в Астрахань, а потом, минуя город, не пожелавший их принять, направилось вверх по Волге. По пути казаки оповещали всех, что они идут с «подлинным» царем в Москву с целью вернуть ему «законный престол». В Свияжске, однако, казаки узнали о народном бунте в Москве, об убийстве Лжедмитрия и гибели его польского отряда, а главное, об избрании новым царем Василия Шуйского. Обсудив сложившуюся ситуацию и возможные дальнейшие действия, терцы весьма прагматично решили остановить свой «праведный» поход на Москву и направиться на Дон, куда их активно приглашали донские казаки. Вскоре на Дон к терским казакам прибыли посланцы Ивана Болотникова, которые сообщили, что последний предлагает

терцам примкнуть к нему и вместе с «царевичем Петром» идти на Москву. Это приглашение было с радостью принято терскими казаками, и весной 1607 года они выступили в новый поход. Однако он оказался на этот раз весьма неудачным и закончился для терских казаков очень трагично. Передовой отряд повстанцев Болотникова, куда вошло и около двух тысяч терских казаков, был разбит войсками Шуйского, захватившими «пять тысяч пленных, артиллерию и обозы» мятежников. Около 1700 терских казаков, не желая сдаваться, продолжали стойко сражаться с царскими войсками и отбивались два дня, героически решив «помереть, а не отдаться живыми». На третий день, когда кончился порох, большинство казаков было убито, а захваченные в плен казнены.

Печально сложилась и судьба самозваного «царевича» – терского казака Илейко Коровина – Лжепетра, захваченного в плен вместе с Болотниковым в Туле войсками Шуйского после длительной осады города и повешенного недалеко от Москвы. По приказу Шуйского около двух тысяч терских казаков, взятых в плен в Туле, вместе с другими участниками восстания были отпущены на свободу. Но освобожденные казаки воспользовались предоставленной им свободой весьма опрометчиво и втянулись в очередную авантюру, примкнув к новому Лжедмитрию. Мятежная и очень заманчивая идея коронации новоявленных царей и самозванцев еще не изжила себя и в казачьей среде. В многочисленных вольных «городках» и «юртах» продолжали появляться Лжепетры: здесь объявилось уже восемь детей Федора Ивановича, в одной только Астрахани их было трое. Однако разоренная и разграбленная Россия уже пресытилась и смертельно устала от смуты и бесчинств иностранных интервентов и самозванцев самых разных званий и мастей. Запрос на смуту и «хорошего царя» исчерпал себя в российском обществе и потерял актуальность. Начиналась новая эпоха и постепенное возрождение России, а на русский престол взошла династия Романовых. Беспорядки и отголоски мятежа еще имели место на южных окраинах государства, и прежде всего на Северном Кавказе, куда бежали последние цари-самозванцы. В этот, завершавшийся период Смутного времени, Астрахань и Терки снова оказались в центре событий. Сюда летом 1613 года направился с Мариной Мнишек и ее сыном Иваном еще один претендент на российский престол, атаман Иван Заруцкий, надеявшийся найти поддержку у волжского и терского казачества. И. Заруцкий был одним из первых членов «воровской думы» (Тюменцов, 1996: 403), а после ее ликвидации активно искал очередного претендента на московский престол. С появлением нового самозванца Заруцкий «явился к Лжедмитрию II с отрядом казаков и, как прежде, стал боярином – главой Казачьего приказа» (Тюменцов, 1996: 417). Позднее, после ожесточенной двухдневной битвы с царскими войсками под Воронежем, он бежал на Юг с остатками своего отряда. Заруцкий, мечтавший о царском троне, на который он собирался посадить малолетнего сына Марины Мнишек Ивана, выдаваемого им за сына царя Дмитрия Ивановича, надеялся привлечь на свою сторону казаков и горцев Северного Кавказа. Атаман Заруцкий, собравший вокруг себя около трех тысяч «самого разного сброду», распустил слух, что уходит на Дон, а сам неожиданно появился на Нижней Волге и захватил Астрахань. Но ни северокавказские феодальные владетели, ни основная масса волжского и терского казачества не поддержали мятежников, несмотря на щедрые обещания и посулы Заруцкого, рассылаемые в грамотах от имени «царевича» Ивана. Один из перехваченных гонцов Заруцкого Михаил Черный признался, что «послан поднять кабардинских князей и черкес идти на Русь войною», но эти надежды самозванцев не оправдались. Более того, донские атаманы обратились с воззванием «к великому и славному рыцарскому Терскому, Волжскому и Яицкому войску и всех рек, господам атаманам и казакам» стать «за природного царя и самодержца Михаила Федоровича...». Этот призыв нашел широкий отклик во всех казачьих сообществах, что закрыло дорогу на Терек, Яик и Дон атаману Заруцкому с Мариной Мнишек и ее сыном Иваном – претендентом на русский престол.

После захвата Астрахани Заруцким казаки из верхневолжских станиц, поддержавшие обращение донцов, не отозвались на призыв Заруцкого примкнуть к нему. Лишь часть казаков из нижних станиц, расположенных в непосредственной близости от Астрахани, поддержала мятежников. На помощь к отряду Заруцкого прибыло около пятисот человек во главе с атаманом Верзигую. Несмотря на угрозы и посулы Заруцкого, астраханский воевода князь Хворостинин отказался признать малолетнего сына Марины Мнишек – «Ивашку» – внуком Ивана Грозного и был «казнен со многими людьми». У мятежного атамана и его окружения были обширные планы борьбы с московской властью: «они убили астраханского воеводу Хворостинина, склонили на свою сторону ногайских татар и затевали широкое дело: вооружить против Руси персидского шаха Аббаса, втянуть в войну Турцию, поднять волжских казаков» (Костомаров, 1993: 686). Однако православное духовенство полностью поддержало Михаила Федоровича Романова и активно призывало народ «отстать от вора Заруцкого, от лютерки ворухи Маринки и ее воренка» (Потто, 1991: 74).

Атаман Заруцкий и «царевич» Иван быстро теряли популярность у народа Астрахани и у основной массы волжских казаков. Не нашли они поддержки и терского и гребенского казачества. Предпринятая Заруцким попытка захватить и доставить в Астрахань терского воеводу Головина, который твердо стоял за признание царя Михаила Федоровича Романова, не увенчалась успехом, так как терские и гребенские казаки отказались его выдать. Сильное недовольство Заруцким и Мариной Мнишек активизировало сопротивление населения Астрахани и заставило астраханцев обратиться за помощью в Терки к поддерживавшим Романова казакам и стрельцам. Воевода Головин послал в Астрахань гребенских и терских казаков и семьсот стрельцов под командой сотника Хохлова, а князь

Санчале́й Янгли́чев – отряд горцев, которые помогли жителям очистить город от сторонников Заруцкого. «Хохлов прибыл в Астрахань, и все жители при звоне колоколов целовали крест царю Михаилу» (Костомаров, 1993: 687). Заруцкий сначала пытался обороняться в астраханском кремле, но, видя всеобщее возмущение и решимость народа Астрахани и терских казаков штурмовать кремль, 12 мая с остатками своего отряда численностью около 1000 человек бежал на кораблях в море (Потто, 1991: 75). В море отряд Заруцкого был достигнут Хохловым, потопившим 60 стругов мятежников. Дальнейшее преследование разгромленного отряда Заруцкого и Марины Мнишек с сыном продолжали уже подошедшие к Астрахани царские войска, которые 25 июня 1614 года, после схватки на Медвежьем острове, пленили Заруцкого и Марину с сыном, выданных казаками (Соловьев, 2005: 317). Их отправили в Москву, где сын Марины Мнишек и атаман Заруцкий были казнены, а сама Марина заточена в монастырь, где она вскоре скончалась.

5. Заключение

Исследование исторических событий конца XVI – начала XVII вв. на Северном Кавказе свидетельствует, что в этот важный и судьбоносный для России период, известный как Смутное время, не только центральные территории Русского государства, но и далекие южные области Северного Кавказа и Прикаспия оказались самым тесным образом связаны с «Великой смутой». Северокавказские горцы, терское и гребенское казачество, как и другие казачьи сообщества России, в конце XVI – начале XVII вв. оказались вовлечены в бурные события Смутного времени и оставили заметный след в истории Московского государства этого периода.

В переломный период российской истории, когда в процессе глубокого общероссийского кризиса московский престол оказался в руках иностранных ставленников и интервентов, казаки и горцы Северного Кавказа, вовлеченные в бунты и беспорядки на раннем этапе Смуты, затем поддержавшие идею возрождения российской государственности, выступили в поддержку новой русской династии против всевозможных самозванцев и авантюристов, искавших опору на юге России.

Отмечая заслуги казачества в борьбе с самозванцами и в поддержке центральной власти, Михаил Федорович реабилитировал основную часть казаков, «которые нам служат», а «воровских казаков, которые бродят шайками», повелел не называть казаками, чтобы не бесчестить остальных казаков.

В 1614 году в Москву к Михаилу Федоровичу прибыл Томулдук – посланец одного из ярых противников Москвы на Северо-Восточном Кавказе шамхала Тарковского – Гирея, который привез царю сообщение, что «Гирей – князь за свою братию и за детьми... великому государю шertz учинил ему, Гирею, великому государю служить во веки» (РДО, 1958: 40). Большой вклад в развитие отношений Русского государства с горцами и казаками Северного Кавказа внес Санчале́й Янгли́чев, который активно содействовал признанию авторитета России целым рядом протурецки настроенных феодальных владетелей Кабарды и Дагестана, в том числе таких, как князь Шолох Таусултанов, Казый Пшеапшоков, Айдаровы и др. Заслуги Санчалея были отмечены Михаилом Романовым, вручившим ему в 1615 году в Москве царскую грамоту с признанием его старшим князем над «черкасами и окачанами».

Литература

Английские путешественники..., 1937 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: ОГИЗ, 1937. 308 с.

Белокуров, 1889 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1. (1578–1616 гг.). 715 с.

Бларамберг, 1999 – Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перев. с франц. и коммент. И.М. Назаровой. Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 1999. 405 с.

Броневский, 1823 – Броневский С. Исторические известия о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. 465 с.

Веселовский, 1890 – Веселовский Н.И. Памятник дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под. ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1. 916 с.

Глазьев, 2013 – Глазьев В.Н. Власть и общество на Юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности // От Древней Руси к Российской Федерации: История российской государственности. СПб.: Алетейя, 2013. 768 с.

История народов..., 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.

Карамзин, 2002 – Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 1024 с.

Колосовская, 2017 – Колосовская Т.А. Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению // Вопросы истории. 2017 № 9. 176 с.

Костомаров, 1993 – Костомаров Н.И. Господство дома Св. Владимира. М.: Военное издательство, 1993. 767 с.

КРО, 1957 – Кабардино-русские отношения. М.: «Эль-Фа», 1957. Т. 1. 476 с.

[Кудрявцев, 2013a](#) – *Кудрявцев А.А.* Первый Романов в истории взаимоотношений России с народами Северного Кавказа (к 400-летию династии Романовых) // *Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия.* Краснодар: Традиция, 2013a. 332 с.

[Кудрявцев, 2013b](#) – *Кудрявцев А.А.* Пути становления российской государственности на Северном Кавказе // *От древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности / Под общ. редакцией В.А. Садовниченко.* СПб.: Алетейя, 2013b. 768 с.

[Кудрявцев, 2015](#) – *Кудрявцев А.А.* Специфика формирования и историческая роль гребенского и терского казачества на раннем этапе развития // *Гуманитарные и юридические исследования.* Научно-теоретический журнал. Ставрополь: Изд-во СКФУ. Вып. № 4. 2015. 188 с.

[Кудрявцев, 2016](#) – *Кудрявцев Е.А.* Волжско-Каспийская трасса Великого шелкового пути и ее значение в развитии торговых и культурных связей Русского государства с народами Северного Кавказа // *Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе: Материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь 28–29 сентября 2015 г.).* Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 177 с.

[Кудрявцев, 2016a](#) – *Кудрявцев А.А.* Московское государство и Крым в исторических судьбах народов Северного Кавказа во второй половине XVI века // *Былые годы.* 2016. № 3. С. 565–574.

[Петровский, 1907](#) – *Петровский М.П.* Хождение на Восток Ф.А. Котова в первой четверти XVII в. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1907. 61 с.

[Платонов, 1917](#) – *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Издание 10-е. Петроград: Сенатская типография, 1917. 838 с.

[Попко, 2001](#) – *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. 526 с.

[Потто, 1912](#) – *Потто В.А.* Два века Терского Казачества (1577–1801). Владикавказ: Электротпечатная Типография Терского Областного Правления, 1912. 383 с.

[ПСРЛ, 1957](#) – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 13. 240 с.

[РДО, 1958](#) – Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

[Репина, 2008](#) – *Репина Л.П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2008. 32 с.

[Соловьев, 2005](#) – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 1024 с.

[Ткаченко, Колосовская, 2009](#) – *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* Военно-политическая история Северного Кавказа XVI – XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 291 с.

[Тюменцев, 1996](#) – *Тюменцев И.О.* Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // *Средневековая и новая Россия.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 821 с.

[Чубарьян, 2014](#) – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

[Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries // *Brukenenthal. Acta Musei.* 2015. X(1): 73-88.

References

[Anglijskie puteshestvenniki..., 1937](#) – *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* Per. s angl. YU. V. Got'e. [English travelers in the Moscow state in the XVI century]. L.: OGIZ, 1937. 308 p. [in Russian]

[Belokurov, 1889](#) – *Belokurov S.A.* (1889). Snosheniya Rossii s Kavkazom. [Relations between Russia and the Caucasus]. M.: Universitetskaya tipografiya. Vyp. 1. (1578-1616 gg.). 715 p. [in Russian]

[Blaramberg, 1999](#) – *Blaramberg Iogann* (1999). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, ehtnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Perv. s. franc. i komment. I. M. Nazarovoj. Nal'chik: Izdat.cent. «EHL'-Fa». 405 p. [in Russian]

[Bronevskij, 1823](#) – *Bronevskij S.* (1823). Istoricheskie izvestiya o Kavkaze [Historical news about the Caucasus.]. M.: Tipografiya S. Selivanovskogo. 465 p. [in Russian]

[Chubar'yan, 2014](#) – *Chubar'yan A.O.* (2014). Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / Отв. ред. А. О. Чубар'ян. М.: Изд-во "Аквилон"? 576 p.

[Glaz'ev, 2013](#) – *Glaz'ev V.N.* (2013). Vlast' i obshchestvo na YUge Rossii v XVII v.: protivodejstvie ugovnoj prestupnosti [Power and society in the South of Russia in the XVIII century: combating criminal offense]. *От Древней Руси к Росийской Федерации: Историya росийской gosudarstvennosti.* SPb.: Aletejya. 768 p. [in Russian]

[Istoriya narodov..., 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century.]. M.: Nauka, 1988. 544 p. [in Russian]

[Karamzin, 2002](#) – *Karamzin N.M.* (2002). *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian state]. M.: Изд-во ЕНkсмо. 1024 p. [in Russian]

- [Kolosovskaya, 2017](#) – *Kolosovskaya T.A.* (2017). Kavkazskij voenno-istoricheskij muzej: ot sohraneniya pamyati k zabveniyu. *Voprosy istorii*. №9. 176 p.
- [Kostomarov, 1993](#) – *Kostomarov N.I.* (1993). Gospodstvo doma Sv. Vladimira [The domination of the house of St. Vladimir]. M.: Voennoe izdatel'stvo. 767 p. [in Russian]
- [KRO, 1957](#) – Kabardino-russkie otnosheniya [Kabardino-Russian relations]. M.: «EhI'-Fa», 1957. T. 1. 476 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2013a](#) – *Kudryavcev A.A.* (2013). Pervyj romanov v istorii vzaimootnoshenij Rossii s narodami Severnogo Kavkaza (k 400-letiyu dinastii Romanovyh) [The first Romanov in the history of relations between Russia and the peoples of the North Caucasus (on the 400th anniversary of the Romanov dynasty)]. *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo: problemy razvitiya i vzaimodejstviya*. Krasnodar: Tradiciya. 332 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2013b](#) – *Kudryavcev A.A.* (2013). Puti stanovleniya rossijskoj gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze [Ways of formation of Russian statehood in the North Caucasus]. *Ot drevnej Rusi k Rossijskoj Federacii: istoriya rossijskoj gosudarstvennosti. Pod obshch. Redakciej V.A. Sadovnichego*. SPb.: Aletejya. 768 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2015](#) – *Kudryavcev A.A.* (2015). Specifika formirovaniya i istoricheskaya rol' grebenskogo i terskogo kazachestva na rannem eh tape razvitiya [The Specifics of the formation and the historical role of the Grebensky and Terek Cossacks at an early stage of development]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*. Vyp. №4. Izd-vo SKFU. 188 p. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2016](#) – *Kudryavcev A.A.* (2016). Moskovskoe gosudarstvo i Krym v istoricheskikh sud'bah narodov Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XVI veka [Moscow state and Crimea in the historical fate of the peoples of the North Caucasus in the second half of the XVI century]. *Bylye Gody*. №3. pp. 565-574. [in Russian]
- [Kudryavcev, 2016](#) – *Kudryavcev E.A.* (2016). Volzhsko-Kaspijskaya trassa Velikogo shelkovogo puti i ee znachenie v razvitiit torgovyh i kul'turnyh svyazej Russkogo gosudarstva s narodami Severnogo Kavkaza. [Volga-Caspian route of the great silk road and its importance in the development of trade and cultural relations of the Russian state with the peoples of the North Caucasus]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turisticheskikh destinacij na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Stavropol' 28-29 sentyabrya 2015 g.)*. Stavropol': Izd-vo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 177 p. [in Russian]
- [Petrovskij, 1907](#) – *Petrovskij M.P.* (1907). Hozhdenie na Vostok F.A. Kotova v pervoj chetverti XVII v. [Walking to the East F. A. Kotov in the first quarter of the XVII century]. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk. 61 p. [in Russian]
- [Platonov, 1917](#) – *Platonov S.F.* (1917). Lekcii po russkoj istorii [Lectures on Russian history]. Izdanie 10-e. Petrograd: Senatskaya tipografiya. 838 p. [in Russian]
- [Popko, 2001](#) – *Popko I.D.* (2001). Terskie kazaki so starodavnih vremen. Grebenskoe vojsko [Terek Cossacks since ancient times. Fucking army]. *Nal'chik: Izd. Cent «EhI'-Fa»*. 526 p. [in Russian]
- [Potto, 1912](#) – *Potto V.A.* (1912). Dva veka Terskogo Kazachestva (1577-1801). [Two centuries of Terek Cossacks (1577-1801)]. Vladikavkaz: Ehlektropechatnaya Tipografiya Terskago Oblastnogo Pravleniya. 383 p. [in Russian]
- [PSRL, 1957](#) – Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian Chronicles]. M.: Izd-vo «Nauka», 1965. T. 13. 240 p. [in Russian]
- [RDO, 1958](#) – Russko-dagestanskije otnosheniya v XVII – pervoj chetverti XVIIIv. [Russian-Dagestan relations in XVII – the first quarter of XVIII century]. Mahachkala, Dagknigoizdat, 1958. 336 p. [in Russian]
- [Repina, 2008](#) – *Repina L.P.* (2008). Novye issledovatel'skie strategii rossijskoj i mirovoj istoriografii. M. Izd. Dom GUVSHE. 32 p.
- [Solov'ev, 2005](#) – *Solov'ev S.M.* (2005). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. M.: Izd-vo EHksmo. 1024 p. [in Russian]
- [Tkachenko, Kolosovskaya, 2009](#) – *Tkachenko D.S., Kolosovskaya T.A.* (2009). Voennno-politicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza XVI – XIX vv.: fakty, sobytiya, lyudi [Military and political history of the North Caucasus of XVI-XIX centuries: facts, events, people]. Stavropol': Izd-vo SGU. 291 p. [in Russian]
- [Tyumencev, 1996](#) – *Tyumencev I.O.* (1996). Organy gosudarstvennogo upravleniya v Tushine v 1608 – 1610 gg. [Tyumentsev the government in Tushino in 1608 – 1610]. *Srednevekovaya i novaya Rossiya*. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 821 p. [in Russian]
- [Veselovskij, 1890](#) – *Veselovskij I.* (1890). Pamyatnik diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej [Monument of diplomatic and trade relations of Moscow Russia with Persia]. Pod red. N.I. Veselovskogo. SPb. T. 1. 916 p. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2015). The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*. X(1): 73-88.

Горцы и казачество Северного Кавказа в истории Смутного времени России конца XVI – начала XVII вв.Александр Абакарович Кудрявцев ^{а, *}^а Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Кончина Ивана Грозного и вступление на русский престол сначала его сына Федора Ивановича, а затем Бориса Годунова не внесли существенных изменений в политику России на Кавказе. Москва продолжала поддерживать царей Восточной Грузии, и в ее дипломатические связи с правителями Закавказья оказались вовлечены горцы и казаки Северного Кавказа. В своих геополитических планах накануне Смутного времени царская администрация опиралась на Терское казачество и горцев Северо-Западного Кавказа, стремясь одновременно военными и политическими мерами привлечь на свою сторону шамхалов Тарковских, контролировавших территории Прикаспия от р. Сулак до р. Уллу-чай. Последние выступали главными союзниками Крымского ханства и Турции. В этот, один из самых сложных в истории России периодов конца XVI – начала XVII вв., когда активно назревал, а затем получил развитие глубокий кризис Смутного времени и когда перед Русским государством с особой остротой стоял вопрос о ее государственной и территориальной целостности, горцы и казаки Северного Кавказа оказались в числе сторонников законной власти на местах и поддержали царских воевод на Тереке и в Астрахани. Позднее, после вступления на престол Михаила Федоровича, они единодушно встали на сторону новой русской династии, отказавшись поддержать самозванных претендентов на русский престол. Однако в начале XVII в., в разгар смуты в центральных областях государства, терские казаки, в отличие от Гребенского казачества, наряду с значительными массами донского, запорожского, волжского, яицкого казачества, оказались вовлечены в бурные события Русского государства этого времени и активно участвовали в российской смуте, оставив яркий след в исторических событиях этого периода. Попытка атамана Заруцкого и Марины Мнишек на завершающем этапе Смуты поднять мятеж на Юге России и захватить московский престол не нашла поддержки у казаков и горцев Северного Кавказа, выступивших на защиту династии Романовых.

Ключевые слова: казаки, горцы, смута, кризис, самозванцы, интервенция, северокавказское единение.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kaa0210@yandex.ru (А.А. Кудрявцев)